

П. О С Т Р О В С К И Х

З(С18)

0-77.

САЯНСКИЕ ХИЩНИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1

9

9

1

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИЙ И СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

П. ОСТРОВСКИХ

САЯНСКИЕ ХИЩНИКИ

РАССКАЗЫ
СО МНОГИМИ
ФОТОГРАФИЯМИ

ОБЛОЖКА
А. МОРОЗОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 88647. Гиз № 18827. Тираж 7.000 экз.

Тип. Госизд. „Красный пролетарий“, Москва, Пименовская, 16.

САЯНСКИЕ ХИЩНИКИ

I. В ГОСТЯХ У ШАМАНА

Среди непролазно глухой тайги, под сенью столетних кедров и могучих лиственниц, у быстрого светлого ручья ютились две берестяные юрты.

Здесь проживал знаменитый Кильдэр-кам, что значит „шаман Кильдэр“.

Время было жаркое, одолели овод и мошкара ненасытная, и лошади Кильдэра, спасаясь от „гнуса“, сгрудились вокруг курева из сырой травы и моху.

У Кильдэра было несколько ездовых оленей, но олени паслись на альпийских лугах, в горах, у снежных вершин, где не мучат животных злые насекомые.

Кильдэр видел на своем веку больше восьмидесяти зим и считался лучшим ходатаем за людей перед злыми духами, которые безжалостно насылают на людей болезни и смерть.

Еще прадед Кильдэра был шаманом. Будучи мальчиком, Кильдэр видел, как шаманил его покойный дед, и дед назначил Кильдэра в премники.

Хилый, еле на ногах держится старый Кильдэр, а начнет шаманить, наденет свою шубу, сплошь расшитую змееобразными жгутами и железными побрякушками, ударит в свой бубен, запоет грустные песни, — и тогда откуда сила берется!

Встал сегодня на рассвете старый Кильдэр, вышел из юрты, поглядел на горные вершины, еще покрытые туманом, понюхал воздух и сказал своей жене:

— Сегодня, сдастся мне, день будет счастливым, — гостей будет много. Уже давно к нам никто не заезживал!

Злой Айна умертвил первую жену у Кильдэра, и старик женился на другой. Это была бодрая женщина лет сорока, и от нее он имел семнадцатилетнюю дочь.

Черноволосая, стройная, с походкой благородной моралухи ¹⁾, девушка слыла красавицей.

Солнце уже вышло из-за гор, осветило всю долину, осушило траву. Собаки стали прислушиваться, залаяли и побежали в лес — к восточной стороне. Не ошибся старик: с горы спускался по едва заметной тропинке, утопая в мягком мхе,

¹⁾ Сибирский вид благородного оленя.

плавно колыхаясь и шагая через колодник, караван из пяти оленей.

Сойотский шаман.

На переднем, большом, с громадными ветвистыми рогами олене сидела верхом женщина с грудным ребенком. На трех следующих был навьючен разный скарб и свертки бересты для покрытия юрт. Пятый, молоденький, олень бежал

свободным и часто отставал, добывая себе самые нежные лишайники и грибы.

Сойотка ¹⁾ счастливо жила со своим мужем. Но муж, задолжав русскому торговцу, на свою беду очень мало добыл пушного зверя. В условленный срок явился казак и, не получив долга, стал ругаться и кричать, а потом ударил своим кулачищем сойота в грудь и, забрав „посвященного богу“ соврасого жеребца, ускакал домой.

А сойот начал с той поры чахнуть и харкать кровью и недавно скончался.

Теперь женщина направлялась к своим родственникам. Остановилась дневать около Кильдэра.

Со слезами она жаловалась, как русские торговцы хозяйничают на чужой земле ²⁾, но все же справляла свое дело: быстро развьючила оленей, и они, седые, как мох на стволах деревьев, тотчас же разлеглись отдыхать. Быстро покрыла старый, стоявший в улусе Кильдэра остов юрты берестой, разложила внутри огонь, накормила и уложила ребенка и пошла добывать на ночь дров.

Около полудня подъехал к юрте шамана верхом на лошади бритый жирный человек в красном халате. Это был буддийский лама или по-

1) Сойотка — туземка.

2) Урянхайская земля ранее принадлежала Китаю, а ныне самостоятельна, — это Тянну-Туванская нар. республика.

просту „комолый“, как прозвал внасмешку народ всех лам за их бритые головы.

Лама вывихнул руку, лечился разными тибетскими лекарствами, обращался к разным ученым ламам-лекарям и, наконец, приехал за помощью к шаману.

Под вечер собаки почуяли новых гостей и встретили с северной стороны караван из нескольких лоша-

дей. Побрякивая шаркунчиками, искусанные комарами и слепнями усталые лошади остановились у самой юрты Кильдэра. Только задняя лошадь, сильная и высокая, на

Сойотка верхом на олене.

которой ехал хозяин каравана, была совершенно бодрa и весело ржала, подходя к жилому месту.

Из троих путников только хозяин каравана был русский.

Он вошел в юрту и, приветствуя хозяина на сойотском языке, протянул ему руку по русскому обычаю.

- Мендэ (здравствуй).
- Мендэ, — отвечал Кильдэр.
- Здоров ли ты?

— Здравствую, слава богу. Ты сам здоров ли?

— Благодарю. Скот твой в добром ли здорovyи?

— Скот здоров. Как у тебя самого скот?

— Мои лошади совершенно здоровы. Семья твоя вся ли здорова?

— Все здоровы. Твои товарищи здоровы ли?

— Все здоровы.

— Откуда едете?

— Издалека едем — с севера.

— Куда путь держите?

— На восток, к вашему огурде ¹⁾.

— За каким делом едете?

— Послали нас познакомиться, какой-такой народ живет в вашей стране, каким языком говорит, какие обычаи держит, в каком товаре нуждается?

— Доброе дело. Мы рады хорошим людям.

Жена и дочка Кильдэра захлопотали с угощением. Подали гостям теплого кипяченого молока, поставили перед каждым в деревянной китайской чашечке запеченную в горячей золе сарану, вкусом похожую на картофель, нарезали на дощечке тонкими ломтями кисловатый сыр и начали кипятить чай в большой чугунной чаше.

Приехавший с охоты внук Кильдэра резал

¹⁾ Огурда или та-нойон — наследственный начальник, губернатор хошуна (округа).

лучшие куски козьего мяса и нанизывал на палочку для изготовления шашлыка.

Хорошо закусивши, Соснин (так звали русского гостя) поднес хозяину в подарок кремни для ружья и кусок свинца для пуль, хозяйке — ножницы и иголки, а молодой девушке — маленькое зеркальце и граненые стеклянные бусы, похожие на топазовые.

Когда все развеселились и стали доверчивее, Соснин начал расспрашивать молодого охотника об его охоте, затем перешел на расспросы о разных обычаях туземцев, о шаманстве, и хозяева охотно отвечали и объясняли ему.

— Не хочешь ли попробовать оленьего молока? Пойдем к приезжей женщине.

Пошли.

Оленюха дает всего стакана два молока, но оно густое и приятное, как лучшие коровьи сливки. Бедная женщина была рада, что доставила удовольствие русскому гостю.

Было уже совсем темно, когда перешли в юрту Тулейхапчегаша, шестидесятилетнего сына Кильдэра. Те же приветствия и угощения: сначала чаем, затем вареным козьим мясом. Чай готовится на монгольский манер: он присолен, варится в котле с большим количеством молока и проса.

После такого напитка подали свежие кедровые орехи и ароматную лесную малину.

Началась оживленная беседа.

— Пусть не обидится русский гость, — заметил Кильдэр, — у нас сложилось про русских много поговорок: „У русского черная дума на уме“. „Русскому дай палец, а он готов всю руку откусить“...

Все конфузливо засмеялись, а Тулейхапчегаш, как хозяин, мягко остановил отца, испугавшись, не слишком ли он резко говорит о русских. Но Соснин сказал:

— Очень жаль, что мои соотечественники пользуются у вас такой дурной славой. В чужой стране живут, пользуются вашим гостеприимством, от вас богатеют и вас же обижают! Но почему вы не обращаетесь к вашим начальникам, к вашим судьям?

— Наши начальники по уши в долгах у русских торговцев. Огурда должен около двух тысяч белок ¹⁾ одному только казаку Садовскому. А два покойных огурды задолжали купцам пятнадцать тысяч белок. Один от русской водки пропал; другой, его сын, и года не прослужил — от дурной болезни скончался. С кого долг взять? Разложили на весь хошун ²⁾, на каждого промышленника и выплатили... Наш хамбу, и тот задолжал тысяч до трех белок. Где тут правды

1) Расчет идет на беличью шкурку; тогда ее цена была 10 копеек.

2) Округ, уезд.

добьешься? Также в долгах и чанга, и джилан, и кунду ¹⁾, и все... А с кого все идет? — С простого народа.

— Видно, и к вам подходит наша русская пословица: „Один — с сошкой, семеро — с ложкой“?

Сойоты быстро смекнули смысл пословицы применительно к своей жизни и в один голос сказали:

— Правда, правда! У вас — с сохой, а у нас — с ружьем. У нас разные начальники — и с синими и с белыми шариками на шапках, и ламы „комолые“, и купцы русские и китайские. Хорошая пословица... Зимой проедет старшина собирать „албан“ (подать). Даешь ему албанных — светлых соболей. Нет, подай ему темных, а сам он их все равно купцам продаст, а в казну сдаст светлых. Албан албаном, а не принято у нас отпускать начальника с пустыми руками: дай ему в подарок еще соболя, а то и пару. Какой-нибудь десятник заедет, и тому подари десяток-другой белок. Просто беда! Угощение у нас уже не считается. Каждого путника мы угощаем, лучший кусок подаем. Среди зимы едут ламы, и малые и большие, в красных и в желтых халатах, в самые глухие углы забираются комолые. Требы справляют, благословение дают. Шаманам от них беда. Увидит бубен — изрежет

1) Хамбу — лама, высшее духовное лицо, архиерей. Чанга, джилан, кунду — различные начальники.

ножом и сожжет на огне... К весне, при окончании пушного промысла, поедут купцы. Ну, тут уж не шути: ничего не скроешь! Такого страху нагонят, что не захочешь должать! Маленьких ребят купцами пугаем. Волков, медведей ребята не боятся, а купцов пугаются! — смеются сойоты.

— Эй, Бузукчар, покажись-ка нойону! ¹⁾

От входной двери вылез к очагу еще молодой черноволосый сойот с клоком седых волос спереди.

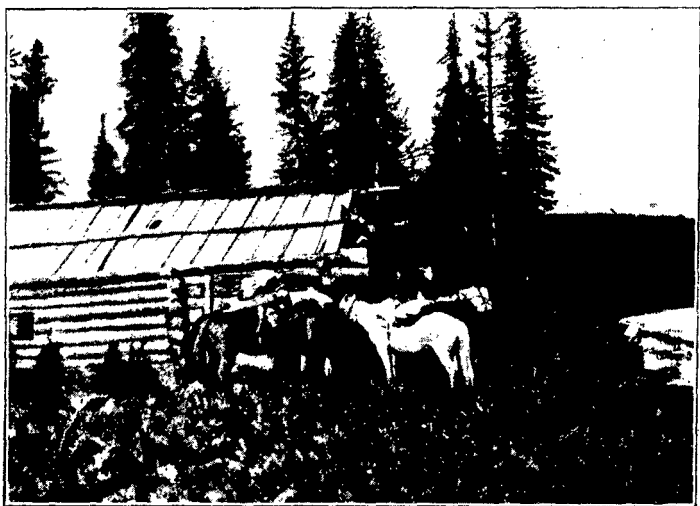
— Вишь, какой пегий стал. А в прошлом году вся голова была черная. Отчего ты, Бузукчар, такой стал?

— Купец Михайло Кобелев ко мне за долгом приезжал. Я считал за собой триста белок, а он требовал пятьсот, будто так в книге записано. Ну, спорили, спорили. Он кричал, кричал да с кулаками полез. Жена ревет, ребятишки кричат, в углы забились. Давай собирать ему на пятьсот белок: подал ему последних три соболя по пятьдесят белок, медвежью шкуру. Богатая была шкура, — черная, большая; чуть было зверь меня не задрал, когда я его промышлял. Две лисы красных взял, по тридцати белок стоили, — пара за пятьдесят пошла. Выдра — белок сто тридцать стоит, — за сто ушла. Две медвежьи жолчи дал, — китайцы от лихорадки лечатся... Все забрал Ми-

¹⁾ Нойон — начальник, чиновник.

хайло и уехал. Захворал я тогда, неделю лежал без памяти, весь горячий был. Баба думала — пропаду, а вот живой остался.. Только челка — белая.

— Много дорогой я слышал про купцов и в Сибири.. Сказывали, как они торгуют.. Обуздать их надо!

Остановка каравана у лесной избы на р. Систянкем.

— Сделай милость, нойон! Скажи там в Сибири кому следует, пусть их обуздают, а не то народ сам с ними расправится.. Было ведь дело: лет тридцать назад Ваську Веселкова убили, Илюшку Бякова утопили. Лет десять назад избы сожгли, лошадей отняли, товар раз-

грабили... Правда, мы же за все это заплатили потом с лихвой.

Девушкам надоело слушать, и они, подбросив в огонь охапку смолистых дров, отчего в юрте стало совершенно светло, затренькали на своем „топшулюре“ ¹⁾).

— Ну-ка спойте, девушки, какую-нибудь песню!

Молодая Сагдыйван подвинулась к огню и, усевшись поудобнее на дышную медвежину, откинула назад свои черные косы, взяла топшулюр и запела:

Нож был бы — продал бы,
а тебя, подруга, не отдал бы.
Огниво было бы — сменял бы,
но тебя, черноокая, не отдал бы.

К Сагдыйван присоединилась ее юная племянница. Пели с большим увлечением.

Все молча слушали пение, а Соснин любовался этой новой для него жизнью среди первобытной природы. Ему нравилось и это оригинальное жилище с дырой вверху, где виднелся кусок голубого звездного неба, нравились и все обитатели улуса в этой таинственной тайге, подавляющей человека своею мощью. Приятно было чувствовать себя вдали, за тысячи верст от душных городов, среди настоящей первозданной природы, среди непосредственных, бесхитростных людей, населяющих и горы, и леса.

¹⁾ Музыкальный инструмент, похожий на балалайку.

II. ТОРГОВЫЙ ПОСЕЛОК

На утро путешественники поднялись чуть свет. И снова их поглотила суровая и величественная тайга.

Погода испортилась, подул сильный ветер, и ехать по тайге стало далеко не безопасно: тайга гудела, деревья жалобно скрипели и с страшным треском падали на землю. Не раз около самых ног путников валялся многовековой гигант, и бывалые лошади едва успевали отскочить назад, чтобы не быть раздавленными вместе со своими седоками.

Но вот лошади насторожились: навстречу каравану, искусно лавируя между деревьями, стремительно неся по тропе таежный красавец с великолепными рогами — олень-марал или изюбр. Заметив людей, он бросился в сторону и исчез среди таежных цветов, скрывающих всадника с лошадью, и в гуще таежных великанов, — исчез так же мгновенно, как и появился...

По пятам марала, смешно подпрыгивая и переваливаясь, гнался огромный бурый медведь с ключьями длинной вылинявшей шерсти. Лошади зафыркали, задрожали и бросились в сторону, сбивая сучьями деревьев вьюки со своих спин.

Моментально вскинулись два ружья наших путников, и „трах-трах“ гулко пронеслось по

встревоженной тайге. Неуклюжий зверь свалился мертвым.

Пришлось остановиться, успокоить испуганных лошадей, дать им отдохнуть от тяжелой ноши и заодно — пообедать. Время подходило к полудню.

Осмотрели место.

Нет ли тут „долгих“?

Так тут называли змей.

Видеть змею — опасно, тоже и ящерицу. Увидишь у змеи ноги — умрешь!

В полдень скуластый и плосконосый проводник отлично приготовил шашлык на деревянных палочках, и шашлык из медвежины вышел на славу!

Шашлычные палочки сожгли на костре, чтобы злой дух Айна не мог ими воспользоваться и напустить болезнь на человека, который сделал эти палочки.

После полудня каравану пришлось переваливать высокий хребет. На самой высокой горе оказалась „авва“, где путники приносили жертвы горным духам за благополучное путешествие. Ветви огромной лиственницы были сплошь увешаны разноцветными лентами, потемневшими от непогоды и от времени, ремешками и прядями конской гривы. У подножия дерева лежали кучи изгнившего тряпья. На деревьях висели жженные бараньи лопатки: по трещинам на этих костях

можно погадать и узнать, благополучен ли будет дальнейший путь. Некоторые путники писали углем на этих костях популярную буддийскую молитву: „Ом мани падме хум“, что обозначает: „Слава цветку на лотосе“ — „Слава Будде!“ Чем чаще повторять это славословие, тем лучше, тем спасительнее. Пиши его всюду, где можешь: на дощечках, на костях, на больших камнях; заведи, наконец, молитвенную мельницу и вложи туда сверток с этой молитвой. Ветер сам будет вертеть твою мельницу, и молитва будет повторяться бесчисленное множество раз... Так учат народ „комолые“ ламы.

Ламайская молитва на тибетском языке на лосиных костях.

При спуске с хребта путники увидели вдали обширный луг и русскую торговую факторию, т.-е. поселок. На лугу, под наблюдением русских

приказчиков, косили сойоты: простые люди с бритыми лбами и с косами на затылках, как это полагается подданным Китая, и „комолые“ прислужники ближайшего ламайского монастыря.

Не все русские, забравшиеся в чужой край непрошенными гостями, так грубы и жестоки, как Михайло Кобелев.

На фактории казака Садовского не было ни мордобоя, ни грубых окриков. Все русские отлично владели местным языком, а тринадцатилетний сынишка хозяина фактории, Шурка Садовский, знавший в совершенстве местный язык, всех вдохновлял своею живостью, шутками и остроумием.

Вопреки договору с Китаем — „не заводить прочных жилых построек“, русские на каждой фактории понастроили и жилые дома, и амбары, и сараи, и вообще обзавелись прочным домашним хозяйством. Здесь и полный двор домашней птицы, и лошади, и рогатый скот.

— Вишь, как купцы хорошо устроились! — заметил нагнавший караван сойотский всадник. — А туда дальше, на запад, на Улуг-Кеме, — целые поселки русских, хлеба много посеяли, мельницы поставили. Скоро свои храмы начнут строить. А говорят, будто при устье реки Бейкем русские хотят целый город построить и назвать его „Белоцарск“. Белый царь, видно, хочет совсем нашу землю забрать!.. Пушнину от нас вывозят,

скот угоняют, золото в горах копают, — сколько в Саянах приисков понастроили. А какая польза нам от русского?

— Ну как же! Мы привозим вам товары, порох, железо, материи разные...

— Хороши материи! — прервал нетерпеливо сой-

Ребята на русской фактории. Слева двое,готавливаемые в ламы.

от. — Посмотри, вон, в какие материи одеты эти ребяташки!

Из ворот фактории выбежала навстречу путникам ватага подростков, едва прикрытых каким-то грязным тряпьем.

Ребята были без штанов и подпоясаны обрывками веревок. Подростки, отданные своими родителями на служение религии, носили что-то вроде красных халатов, а прочие были в каких-то лохмотьях, в которых лишь с трудом можно было признать русские рубахи.

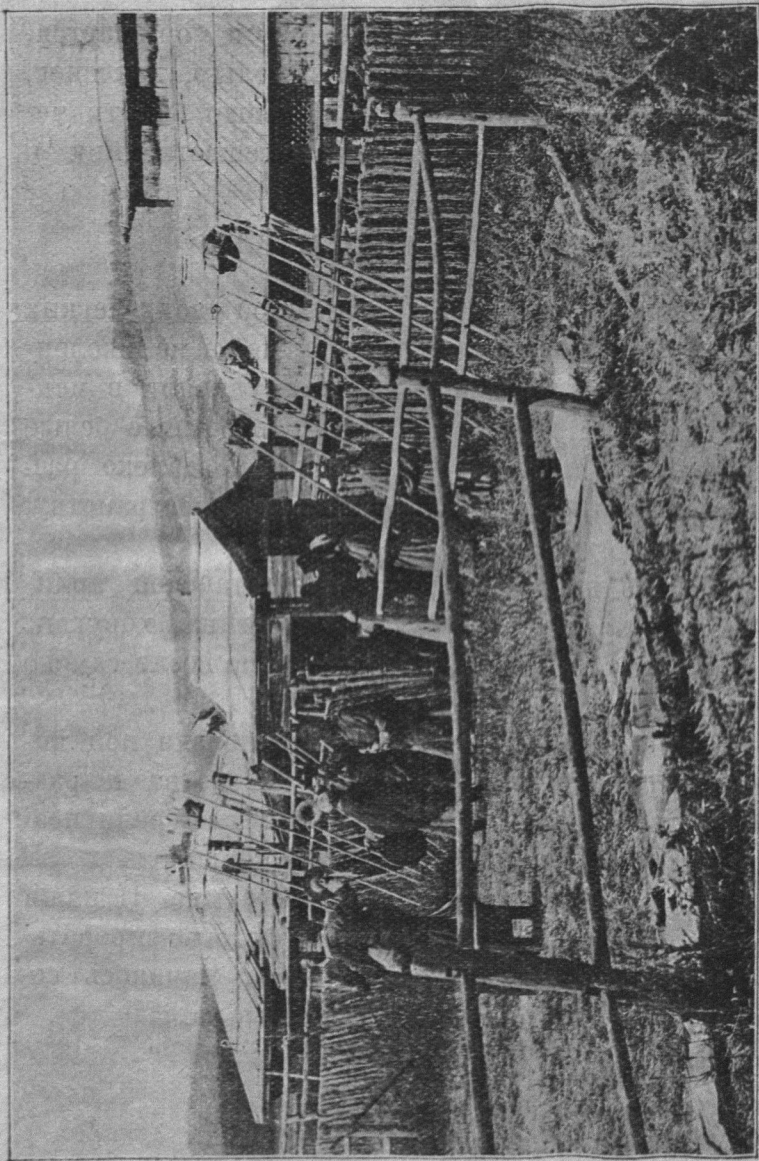
— Хорошо еще, что здесь не колотят сойотов, как в других русских „заведениях“...

У столбов было привязано несколько верховых лошадей с подстриженными гривами и короткими хвостами: конский волос пошел купцам. А во дворе, перед амбаром-лавкой толпились сойоты.

Казак Садовский пользовался большим авторитетом среди местного населения. При взыскании долгов сильно не притеснял и товар отпускал без обмана.

Но уж таково, видно, свойство буржуазной колонизации, что она несет с собою нищету и порабощение. Дом купца был полная чаша, всего вдоволь, сойоты несли и везли: берестяные туясья (бураки) с ягодой, мешки с кедровыми орехами, свежую рыбу, рубили дрова, помогали по хозяйству, косили сено... А вокруг фактории разбросалось несколько совсем бедных и грязных юрт...

По окрестностям валялись человеческие черепа, так как сойоты не хоронят своих мертвых в могилах, а кладут прямо на землю. Каждый

Ламайский монастырь. У забора—шелковые хоругви. Ламы-музыканты с медными тарелками и бубнами.

череп выветривается временем и очищается, и через год-другой становится белым, как снег, и ярко блестит на солнце. — „Хорошо бы эти черепа забрать!“ — подумал наш путешественник ¹⁾).

III. НА ПРАЗДНИКЕ МАЙДЫР

„Комолые“ ревели со всей силой своих легких в длинные медные трубы; другие, в великолепных красных шелковых халатах, ударяли в медные тарелки; третьи пищали в огромные белые раковины, — и вся эта какофония ²⁾ далеко разносилась по небольшому степному пространству, окруженному лесом.

Из небольшого невзрачного китайской архитектуры храма выносили священные хоругви, изображения богов, и на колеснице везли самого хамбу-лама.

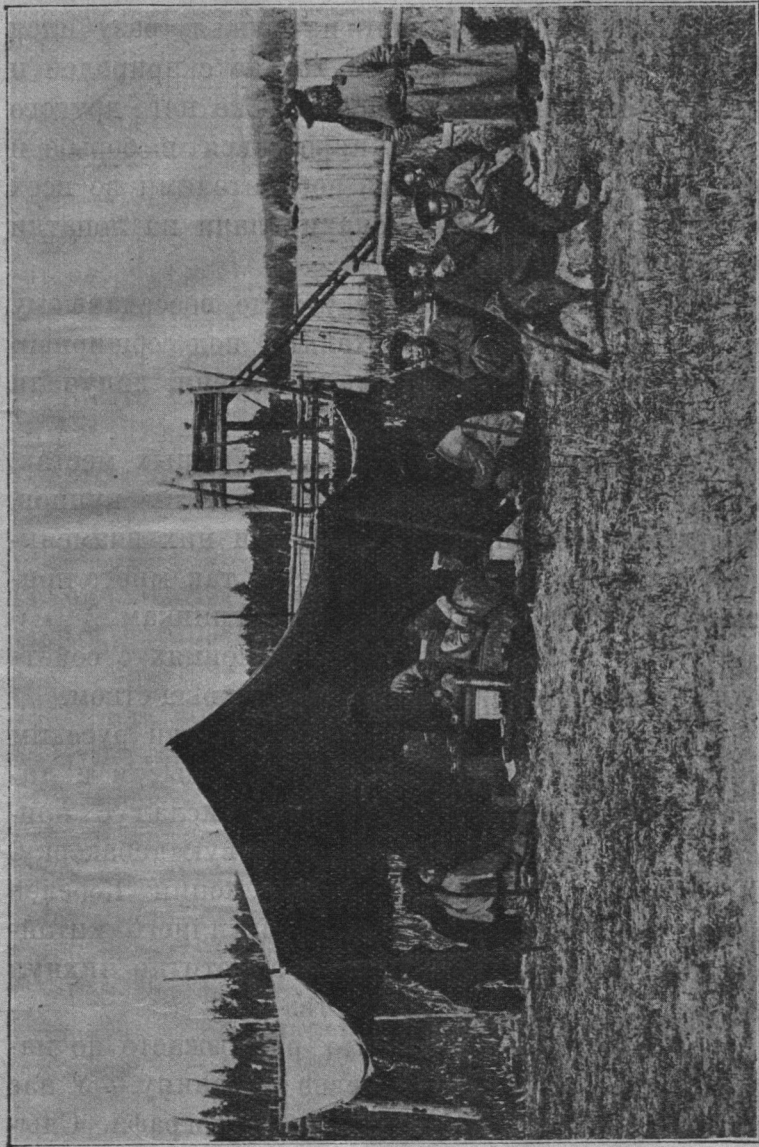
Все верующие пали на землю, ползли под колесницей, целовали одежды духовенства и разевавшие концы лент безобразных религиозных масок, танцовавших и кривлявшихся.

Это было какое-то массовое безумие. И наши путешественники едва успевали фотографировать.

Окончилась религиозная часть. Началось состязание в стрельбе из лука и борьба.

1) Для музеев и научных учреждений.

2) Разногласица, беспорядочная музыка.

Палатка огуры на религиозном празднике.

Рабочий-сойот стреляет из ружья, разучился стрелять из лука, борется только с природой и дикими зверями. У „комолых“ же нет другого дела, как от скуки тренироваться в борьбе и стрельбе, и они оказались победителями во всех состязаниях. Здоровые монахи клали на лопатки мирян.

Победители подбегали к угурде, восседавшему в роскошном голубом халате под обширным тентом на кресле, и, став на колени, получали награду.

Поблизости от начальства, на почетных местах, сидело на войлоке несколько русских купцов, приехавших на праздник, и среди них знаменитый Михайло Кобелев, о котором так много пришлось слышать нашим путешественникам.

Он был в самых лучших отношениях с сойотским начальством и с высшим духовенством.

Начальники и сам угурда присылали русским гостям целые кожаные кугэры с кумысом и тарелки с сыром, а Хамбу-лама прислал с прислужкой свою красивую агатовую табакерку. Хорошо знающий местные церемонии Кобелев взял порядочную щепотку ароматичного китайского табаку, зачихал в нос и аппетитно чихнул во здравие его преосвященства.

— Слышал, слышал, что разъезжаете по нашей земле,—обратился Кобелев к Соснину.— У нас тут вести идут быстрее вашего телеграфа. Слы-

хал, что и на меня собак вешают сойотишки! Да все это — вздор и вранье, уж верьте мне. Лентяи и лежебоки. Лучше без хлеба на одной саране в юрте пролежат, чем пойдут к русскому траву косить или дрова рубить!

— Не знаю, от лени ли это происходит или от чего другого, — ответил Соснин. — Может быть, оттого, что косьба для сойотов — непривычное дело? Не лентяя же они целую зиму на лыжах за зверем рыскать?

— Не больно хорошие-то они и промышленники. Только в долг нароят забрать, а к расплате дело подойдет, — и взять нечего. Мошенники!

— Да ведь и вас-то много. И подать подай, и начальство одари, и ламам заплати, и с купцами расплатись...

— Вижу, что напели вам в уши мошенники. И у нас в России тоже подати берут!

Праздник закончился обильным угощением. На первом плане было вареное мясо. Русские гости получили наиболее лакомые, по местным вкусам, куски: головы и языки молодых бычков на куске бересты. Начальники осушали один кугэр с кумысом за другим, а ламы налегли преимущественно на араку (молочную водку) и, упившись, начали шумно и громко болтать.

IV. В СТАВКЕ НАЧАЛЬНИКА

На следующий день Соснин поехал в ставку огурды, за несколько верст от монастыря.

Жилище вождя состояло из огромной берестяной юрты, обставленной белыми флагами на высоких шестах. Зимой и начальники и высшие ламы живут в круглых кошемных юртах и в избах русской постройки.

Среди гор, на восхитительном лугу, где пасся в изобилии разный скот, ставка огурды радовалась и манила к себе путников.

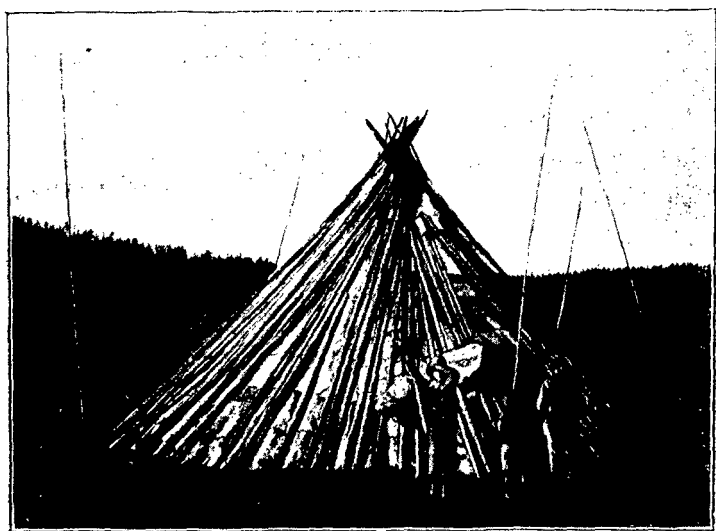
В шатре вождя, обставленном с подобающей роскошью, на почетном месте блеснул огнями домашний алтарь с бронзовыми статуэтками ламайских божеств и с чашечками, наполненными рисом и пшеницей.

Сегодня происходило судилище, и в шатре сидело несколько истцов из русских купцов, приехавших с жалобами. Жене начальника купцы поднесли подарки: конфеты, коробки с печеньем и бутылки с коньяком.

Суд происходил на вольном воздухе. Начальство выслушивало обе стороны — истцов и ответчиков. Одного обвиняли в краже лошади, но он не сознавался. Тогда ему надели на руку сасхылгу — малое орудие пытки: круглые палочки для сдавливания пальцев. Он продолжал отрицать свою вину. Сасхылгу стянули покрепче,

пальцы хрустнули, и несчастный сознался. Русский истец тотчас же получил лошадь обвиненного, на которой тот приехал на суд, а преступнику надели на шею тяжелую деревянную колодку и отпустили его в этом позорном виде домой.

Другой сойот подрядился рубить у русского купца дрова, взял задаток, но в условленный

Летняя берестяная юрта начальника.

день не явился. За это он получил несколько ударов по щекам и уплатил купцу штраф за все убытки.

Третий обвинялся в упорном неплатеже долгов. Ему назначили срок окончательной уплаты

с процентами, а чтобы впредь не повадно было, отсчитали по задней части несколько десятков ударов деревянным вальком—манзой.

По отъезде купцов из ставки, Соснин попробовал заговорить с огурдой о положении народа и о роли купцов вроде Кобелева, но, увидав, что огурда стоит всецело на стороне купцов, прекратил разговор.

У. В КОБЕЛЕВКЕ

Фактория Кобелева, или попросту „Кобелевка“, сильно разраслась за последние годы.

Там была уже не одна изба владельца фактории, как прежде, а целое селение, даже с маленькой церковкой. Всю русскую колонию Михайло Иваныч держал в ежовых рукавицах. У него был большой дом на церковной площади, магазин и строения.

— Прошу пожаловать, — встретил Кобелев путешественника. — А я уж думал, что вы к нам и не заглянете! Вешают на мою шею собак мои недруги — конкуренты наши из русских купцов и сойотишки... Прошу откусать чем бог послал!

А бог послал Михайле Иванычу, не скупясь, всякого добра и снеди. Тут была и свежая икра из только что пойманной рыбы, и всякие маринады и соленья, и разная жареная дичь, и при-

возные консервы — омары и сардинки, и хорошие вина.

— Недурно вы здесь живете за Саянским хребтом. Вот уж никак не думал встретить такую роскошь среди этих дебрей!

— Это вы про заграничные консервы говорите? Был экстренный случай: ждали мы сюда

На дворе русской торговой фактории

восточно-сибирского генерал-губернатора, а он до нас и не доехал. В степях-то побывал, а до нас не добрался. Много помог нам его проезд — дай бог ему здоровья. Город теперь у нас строится в степях — Белоцарск. Русское начальство

будет там жить, казачий отряд, колонизационные чиновники. Все будет русским колонистам по-вольготней, а то изволь ублажать не только огурду, но и всякого чиновного халатника... Всех сойотских чиновников наградил генерал-губернатор подарками. Выговорил не мешать русским селиться, где они пожелают, землю распахивать. Золотопромышленники могут теперь также орудовать по всему Саянскому хребту, и китайская власть вряд ли теперь захочет показать свой нос сюда!

Соснин внимательно слушал.

Михайло Иваныч угощал гостя, не забывал и себя и сильно приналег на „национальную“ русскую. Изрядно выпив, он стал откровеннее.

— Угости сойота на гривенник, а обторгуй на полтину, — он ничего не скажет. Купцы здесь так и делают. Приедет покупатель, — ну, встречаешь его, как доброго знакомого, всю китайскую церемонию разведешь. Да вы, верно, это знаете? Сначала про его здоровье спроси, потом про скот, а на третьем месте — про бабу, про семью. Чаем его угостишь, сухарями, а случится — и мягким хлебом. Мы все, слава богу, хорошо болтаем по-ихнему. Я-то еще кое-как, а мой сынишка говорит лучше всякого сойота. Да и как иначе? Будущее наших детей — здесь, на этой земле.

Перешли на обычаи сойотские, на их веру —

смесь шаманства с буддизмом, и Михайло Иванович пообещал указать несколько мест, где происходит шаманское камланье и ламайские молебны.

— Разных икон ихних, идолов, там валяется и из камня, и из дерева. Вместо настоящих жеребят и оленей игрушки делают и там их кладут, а зверь разворачивает все их часовенки. Очень занятно.

Воспользовавшись услугами Кобелева, Соснин осмотрел эти часовенки из жердей и палок и набрал там целый мешок разных поломанных и порванных предметов религиозного культа.

Михайло Иванович удивлялся и хохотал.

— Не удивляйтесь, дружище: чем старее и грубее предметы, тем больший интерес они представляют для науки!.. Я не брезгую даже предметами прямо бросовыми, негодными, если замечу, что они представляют какой-нибудь научный интерес!

— Забирайте, забирайте, не жалко.— У нас этого

13-летний русский мальчик в туземном костюме

хлама много по степи валяется. А не хотите ли посмотреть могилу Хамбы? Она недалеко отсюда. Года четыре-пять, кажись, будет, как он пропал. Кости-то, верно, волки растаскали, а череп и до сих пор валяется.

Сели на лошадей и отправились к могиле Хамбы. На прогалине среди леса стоял маленький сруб с разными культовыми предметами, а череп и некоторые кости валялись рядом. Путешественник взял череп в руки.

Череп недурно сохранился, — даже нижняя челюсть уцелела.

— А что, Михайло Иваныч, если я его заберу?

— Берите на здоровье. Кому же в голову придет, что его кто-то взял? Подумают — зверь утащил.

Соснин с удовольствием уложил череп в свои дорожные кожаные сумы и укрепил позади седла.

Кобелев торжествовал. „Теперь попался, голубчик!“ — думал он, — мы покажем тебе теперь, как народ бунтовать и собирать всякие сплетни“.

VI. НЕУДАВШЕЕСЯ НАПАДЕНИЕ

Прошло несколько дней. Путешественники разъезжали по стране, изучали быт населения, и всюду народ встречал их гостеприимно и доверчиво. Соснин записал массу фактов возмутительного

обращения с туземцами со стороны местного начальства и русских купцов, находивших поддержку и поощрение у пограничных сибирских полицейских чиновников, имевших в своем распоряжении несколько десятков хорошо вооруженных казаков.

Но Кобелев не дремал. Он вызвал к себе сына покойного Хамбы, хитрого и плутоватого Тенека.

Поздоровавшись с Тенеком, Михайло Кобелев вкрадчиво спросил его:

— А давно ли ты, Тенек, видел могилу своего отца?

— Давно не видал.

— Съезди-ка туда да посмотри. Говорят, будто русский „кара-буха“ (черный бык) кости мертвецов собирает, — беду накличет на вашу страну... Знают ли про это огурда и монастырский настоятель? И говорят еще, будто он, путешественник этот, „обосы“ (часовенки) грабит, иконы ваши крадет. Разве одобрит это народ?

Тенек сообразил, что Кобелев нуждается в его помощи из-за своих интересов, и решил использовать момент:

— Хорошо, я съезжу на могилу отца, посмотрю, а потом доложу настоятелю... Ах, вот чуть не забыл: жена просила взять у тебя китайской чесучи на халат, бархату на воротник и чаю да сахару. Да и у меня весь табак вышел!

— Ой, Тенек, ты хочешь с меня последнюю рубашку снять! Сколько за тобой старого долга?

— Все заплачу, не бойся.

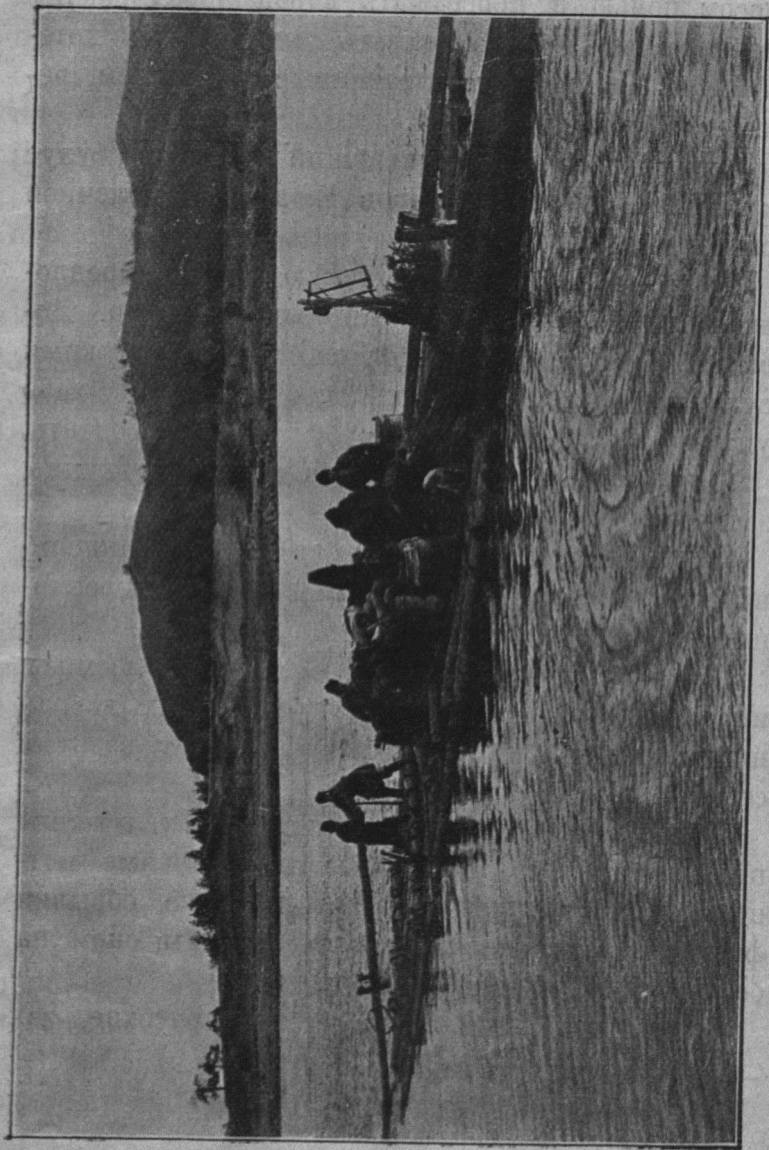
Друзья устроили за путешественниками слежку и доносили немедленно о каждом шаге Соснина, думая в подходящий момент натравить на него фанатичных лам и суеверную чернь. Но нашлись добрые люди из сойотов и предупредили Соснина под величайшей тайной.

Соснин, делая вид, что еще долго будет ездить по стране, стал спешно собираться к отъезду в Сибирь и сговорился с артелью сибирских рыбаков, снаряжавших свой плот на реке Бейкем. Ночами весь экспедиционный багаж, а в том числе и черепа, был переправлен на рыбачий плот. Рыбаки решили отправиться на рассвете следующего дня.

Но поздно вечером прискакала к плоту группа всадников с приказанием от огурды путешественникам — явиться к нему по очень важному делу.

— Хорошо. Я буду очень рад еще раз повидать вашего славного вождя и пожелать ему еще много лет здравствовать и управлять вами. Но сейчас уже поздно, друзья мои! Откушайте и заночуйте у нас, а на утро отправимся!

Всадники, отъехав в сторону, вступили в оживленный спор, требовать ли немедленного отъезда к огурде или обождать до утра. Ехать

Длот, возвращающийся в Сибирь с грузом рыбы.

лесом ночью и переезжать вброд через разные речонки, по правде сказать, никому не хотелось, и всадники, соблазненные угощением, решились обождать до утра.

Соснин послал в ближайший сойотский улус купить несколько кугэров ¹⁾ араки (молочной самогонки).

Гостям сварили целую дикую козу и предложили на шашлыки двух жирных барашков. Досыта наевшись и напившись чаю с русскими сухарями, посланцы занялись аракой и, зело упившись, стали довольно откровенно болтать, что некоторые их начальники и русские купцы затевают что-то неладное...

— Не болтайте, глупые бараны, — останавливали их другие, — наденет вам огурда деревянные колодки на шею!

Соснин старался быть любезным со всеми и ни на минуту не оставлял пустыми их дорожные чашечки, которые каждый сойот возит с собой.

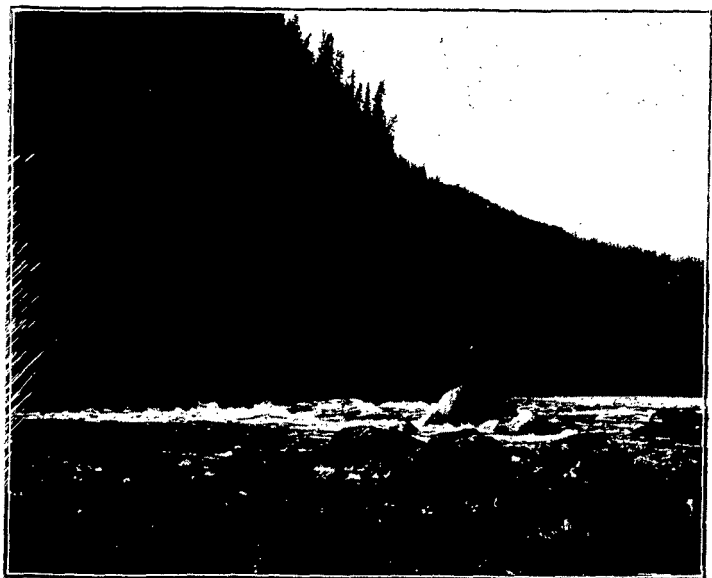
Наконец посланцы, улегшись на услужливо подброшенные им войлочные подседельные потники, болтая какой-то вздор и мыча обрывки фантастических песен, уснули крепким сном на берегу. Двое пошли на плот.

Утром, чуть только забрезжило, русские, за-

¹⁾ Кугэр — кожаный сосуд для кумыса.

хватив свои пожитки с берега, в полной тишине приготовились отчалить, вверив свою судьбу бурному Бейкему с его порогами, беспрестанными поворотами и опасными скалистыми берегами.

Но первый же скрип весел разбудил посланцев огурды, спавших на плоту. Они вскочили,

Порог на Бейкеме. В бурунах—русский рыбачий плот.

неистово крича и ругая спящих на берегу. Потом с угрозами бросились на рыбаков.

Но рыбаки были готовы и к этому: два самых сильных сибиряка схватили буянов и спустили

в реку. А сойоты — отличные пловцы и без труда достигли берега.

Спавшие на берегу схватились за свои кремневые ружья, но ружья оказались разряженными, и выстрелов не последовало. Пока они вновь заряжали ружья и седлали лошадей, река уносила плот все дальше и дальше.

Всадники скакали вдоль берега, быстро спешили и стреляли вдогонку беглецам. Но пули не долетали...

Наконец скалы преградили путь всадникам, и они, послав вдогонку еще несколько выстрелов, были принуждены остановиться.

Большой Утинский порог чуть не проглотил беглецов в своих бурунах. Но, промокнув до нитки, они все же удержались на своем плоту.

Дней через пятнадцать, находясь постоянно под страхом разбиться о камни, наши путешественники проскочили, наконец, со своим плотом через теснины Саянского хребта и достигли сибирской границы.

*

Когда в крае поселилось достаточное количество русских, царское правительство послало туда своего комиссара и организовало там переселенческое управление. Все это было сделано с той целью, чтобы окончательно заселить русскими Урянхай.

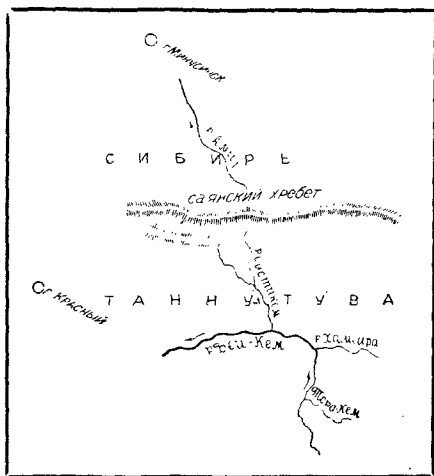
Сойоты стоном стонали. Они дошли до белого каления: их терпение истощилось. Гнев народный первым делом обрушился на Амбан-нойона ¹⁾, яркого сторонника русского влияния. Это было летом 1916 года.

Когда Амбан-нойон возвращался из ламайского храма вместе со своим сыном, в сопровождении двух конных казаков, на него напало несколько сойотских всадников, и он был смертельно ранен. Двое убийц были задержаны. Третий при аресте оказал сопротивление и был убит.

„Трудно нам жилось до семнадцатого года, — рассказывал в Москве внук Кильдэр-кама Аралдон, — а когда у вас убрали царя, мы немного вздохнули. Царский комиссар, переселенческие чиновники и казаки бежали через Монголию за Байкал, и мы им не мешали. Удирайте себе, только нас оставьте в покое. Когда у вас власть перешла в руки рабочих и крестьян, нам объявили, что и наша страна должна быть свободной и самостоятельной. Возвратили нам тогда и все хошунные печати, которые были отобраны царским комиссаром. Но страдания наши еще не кончились. Явился Колчак, и стало нам горше прежнего. Приехали колчаковские комиссары и казаки и стали расправляться как с сойотами, так и с русскими. Много тогда сойотов и рус-

1) Главный начальник Урянхая.

ских было расстреляно, заперото насмерть и брошено в тюрьмы. Пропали тогда и два моих младших брата... Тут стали снова наезжать к нам китайские купцы, а за ними и монгольские вооруженные отряды. Прогнали они колчаковских комиссаров и казаков, сожгли все русские поселки и стали нападать на русских. И стало

Область оленных тувинцев.

опять худо: китайские купцы грабят почище русских. Но всему бывает конец. Пришел конец и нашим страданиям. В конце двадцать первого года прибыл к нам советский посол и объявил нашу Сойотию свободной и автономной страной.

Теперь жизнь наладилась и стало спокойно. Живем согласно бок-о-бок с русскими. В середине

всей страны—город. Раньше Белоцарск назывался, теперь — Красный город. Там теперь и паровая мельница, и разные мастерские, и школа. И „комолых“ лам стало у нас теперь меньше: все принялись за труд. Страна наша называется теперь „Танну-Тувинская республика“. Недавно мы прислали к вам в Москву учиться два десятка молодых ребят“.

ПОНИЗОВЫЕ ТУНГУСНИКИ ¹⁾

І. ЯРМАРКА

На так называемую „ярмарку“ вышло из тайги всего десятка три „остяцких“ ²⁾ семейств. Всю зиму они бродили по тайге со своими кремневыми ружьишками, с капканами да черканами.

Семья сидела на берегу какой-нибудь речки в землянке или прямо в берестяном чуме ³⁾, а сам промышленник таскал по тайге на лыжах санки с котелком, топором, добытой пушниной. Его единственная собачонка помогала ему таскать сани.

Теперь, весной, они сложили все свои пожитки, своих детей и своих собак на большие лодки с берестяными крышами и спустились вниз по реке к Енисею — на ярмарку.

1) „Тунгусниками“ в Туруханском крае называют всех торговцев, скупающих пушнину от туземных охотников: тунгусов, остяков и др.

2) Речь идет об „енисейцах“ (кетов), ранее называвшихся „енисейскими остяками“.

3) Чум — шалаш.

- Ставь, баба, чум, а я пойду к „хозяину“.
- Смотри, не пей огненной воды-то!
- Ладно, ладно. Что я, дурак, что ли? Сам знаю. Спирту ни-ни. Рассчитаюсь и приду.
- А Иван Трифонич Непомнящий уже зорко

Транспортные лодки кетинцев, крытые берестой.

высматривает своих „азиатцев“, своих должников.

— А-а-а, Василий Иваныч! Ну, как бог тебя милует? Семья здорова ли?

— Все здоровы — и баба и ребята.

— Слава богу. Ну, как промысел?

— Плохо, парень, не много белки добыл. Ушла куда-то белка из тайги, а лисицы так ни одной не видал.

Иван Трифонич здоровается с остяком за руку и ведет его к своей палатке.

— Устал, верно, с дороги-то, Василий Иваныч? Намотался за зиму, бедный, а тут еще веслами

Группа „енисейцев“ (кето).

махал. Садись. Пей чай с баранками да с сахаром. Волку, верно, не пьешь?

— Нет, хозяин. Баба узнает, сильно ругаться будет.

— Да баба-то не узнает. Надо, брат, сердце разогреть. Вместе выпьем, — сразу вся усталость пройдет.

Недолго колеблется остяк. И добрый стакан водки или просто разведенного водою спирта сразу выгоняет из его некрепкой головы все наставления жены.

Из застенчивого, робкого человека остяк превращается в развязного и болтливового. После второго стаканчика водки он уже не может ничего утаить от купца: сколько он промыслил белки, сколько соболей и лисиц спрятал на дне своей лодки.

— Давай, Иван, книгу,— сколько долгу, считай!

И смотрит остяк осоловелыми глазами в книгу, как бык на воду, а в долговой книге безграмотно, каракулями написано:

Счет Васьки Моксунова

Обставлен на новый сезон:

40 пудов ржаной муки по 7 белок за пуд .	280 белок.
25 фунтов сушек	35 белок.
Половина кожи	40 белок.
1 даба	35 белок.
5 зверей камысов	20 белок.
1 бутылка рому	11 белок.
1 бумажка иголок	2 белки.
20 кремней	5 белок.
2 постели	36 белок.
2 кирпича чаю	26 белок.
2 фунта дробы	8 белок.
7 фунтов пороху	56 белок.
4 фунта табаку	24 белки.
1 топор	9 белок.

5 ар. ситцу	10 белок.
Девке дан рубезж ¹⁾	50 белок.
Летошнего долгу	87 белок.

Всего взял товару 734 белки.

У Васьки пять человек семьи: жена Марфа, сын-подросток, по имени Дигош, взрослая дочь Маша, маленькая дочка Дуня и он сам. Всех ведь надо обуть, одеть, накормить.

Долго кумекал Васька, наконец стал считать по пальцам сотнями, по-ихнему „киза“.

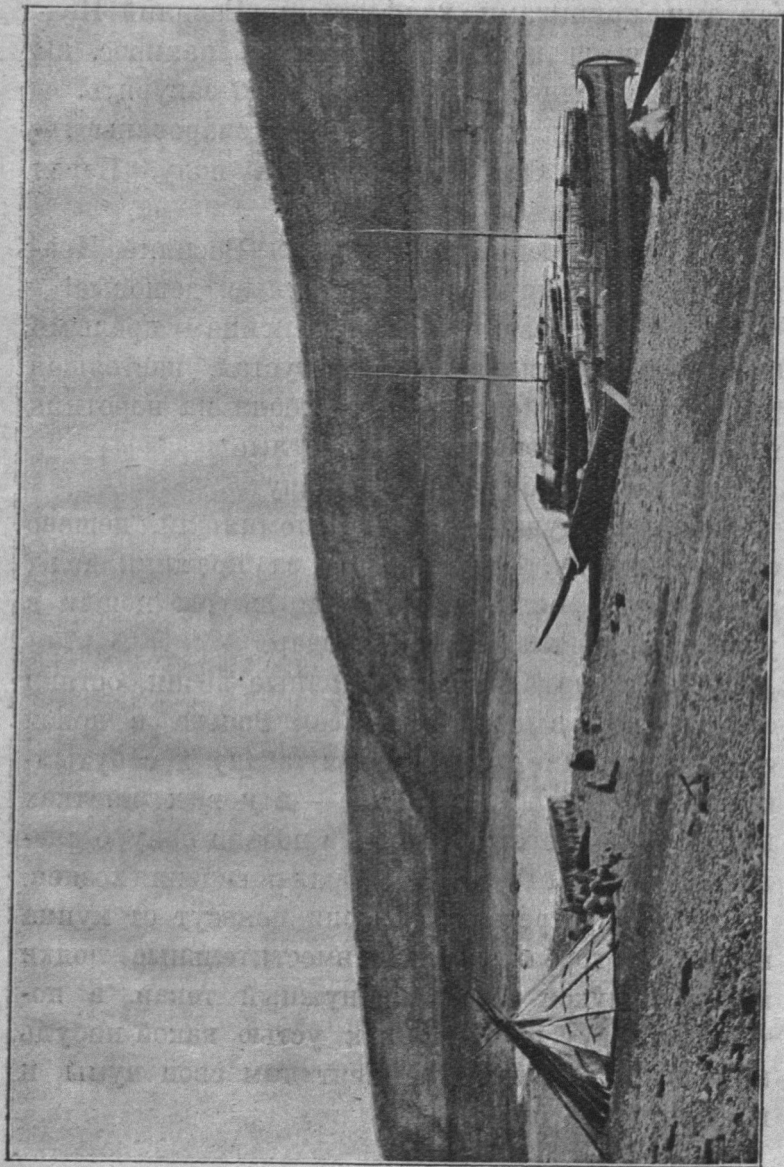
— Киза, ынь-киза,дох-киза, сиг-киза, ках-киза, ась-киза, онс-киза,— и он завернул свой седьмой палец.— И еще три десятка (донса) и четыре белки.

А когда Васька прикинул своим неповоротливым умом,на сколько нужно еще купить на лето и на зиму, с него разом весь хмель соскочил.

Побежал к своей Марфе. Долго они считали и высчитывали, наконец взвалили мешки на плечи и всей семьей от мала до велика направились к Ивану Трифонычу. А следом за ними шествовал и молодой „хозяин“ Мишка, Трифоныча сын, тащивший кожаный мешок с соболями и лисьими шкурками.

Иван Трифоныч — добрый: угощает водкой Василия Иваныча и Дигоша, а Марфе и Машке подносит по стаканчику рому. Всех угощает ба-

¹⁾ Бирка, счет на палочке на купленные девицей обновки.

Берестяной чум и транспортная лодка „енисейцев“ (кето).

ранками, пряниками, конфетами. Василий Иванович и Дигош получают по пачке папирос, им услужливо подносятся спички, чтоб закурить.

Наши таежники положительно очарованы таким приемом. Они расселись на полу. Перед ними стоят полные стаканчики.

— Прелая лисица-то, недошлая, Василий Иванович, да и соболя-то совсем светлые, дешовые!

— Что ты, хозяин! Откуда лисицам прелыми быть? Самая дошлая: шерсть густая, настоящая „огневка“. Побойся ты бога. Соболя на воротник годятся, а ты говоришь — „светлые“.

Марфа с девкой чуть не плачут.

Покривил душой купец Непомнящий, дешево оценил лисицу. Белка пошла за прежний долг, а соболь и остальные лисьи шкуры пошли в уплату за новый для лета товар.

Шатаясь, падая и крича пьяные песни, остяки отправились в свой чум: сам Васька в новой ситцевой рубахе, с попушами табаку и с бутылкой водки; Марфа и Маша — в новых платках несли разноцветные ситцы, а позади понуро плелись собаки, как будто не одобряя поведения хозяев.

Завтра, протрезвившись, они понесут от купца на своих горбах в свои вместительные лодки мешки с мукой и прочий нужный товар, а потом поплывут по Енисею к устью какой-нибудь маленькой речонки, поставят там свои чумы и проживут все лето.

Есть мука для лепешек, есть чай, есть табак, и каждый день можно жарить и варить свежую рыбу. К ночи поставил сеть в устье речонки, а на утро вынимай живую рыбу.

А какая „сладкая“ рыба живая, трепещущая, и как вкусны сырые рыбы головки!

Рядом с чумом Василия Иваныча стояло еще три чума. По вечерам молодежь в новых цветных парках ¹⁾ собиралась вместе, пела и плясала, ходила по солнцу и затевала разные игры.

Но кончалось лето, и подходила осень. И остяки стали снова собираться в свой тяжелый путь, на трудную зимнюю работу.

— Ну, что, Васька, в тайгу, однако, собираешься? — встретил Непомнящий остяка, одетого в грязную выцветшую парку, по-бабьи повязанного грязным ситцевым платком.

— Собираюсь. Товару давай, хозяин.

— А люди говорят, будто ты к другому хозяину собираешься перейти?

— Нет, хозяин, не собираюсь, — век на тебя работать буду.

— То-то, смотри, не обманывай...

II. ШАМАНСТВО

„Все ли будем здоровы, не будет ли каких болезней, будет ли промысел и в какой стороне, в каких лесах будет белка?“ — беспокоятся остя-

¹⁾ Одежда.

ки и решают позвать старого Колёнгуа, знаменитого шамана.

— Поставьте новый, чистый чум, тогда начнем молиться, — приказал Колёнгуа.

Каждый остяк принес по длинному шесту. Женщины поставили большой чум и покрыли его

Шаман „енисейцев“ (кет).

новой „тиской“ — берестяными брезентами, которые варятся и сшиваются крепкими сухожильными нитками.

В чум набилось много народу. Шаман надел свою замшевую парку, сплошь покрытую железными птицами, зверями, солнцем, месяцем и различными фигурками, а на голову ему возложили железную шапку с оленьими рогами.

Ударил старик в свой высушенный над огнем бубен и затянул дрожащим голосом монотонный напев с переливами. Он начал призывать своих духов, чтобы при их помощи отправиться в надземные сферы и там просить о даровании своему

народу хорошего промысла, здоровья и всякого благополучия.

И народ вторил ему, подбодряя его идти в далекий трудный путь и не бояться злых духов, насылающих на людей болезни.

III. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

Пришел 1920 год. Прогнали Колчака из Сибири. Белогвардейцы изгнаны и оттеснены на

Идольское молябище „енисейцев“ (кетю).

Дальний Восток, где они и безобразничали еще два-три года.

Но нашим осяткам ни 1920, ни даже 1923 год

не принесли никакого облегчения. Край покрылся целой сетью торговых факторий, где приказчиками и заведующими засели прежние „хозяева“, прежние „тунгусники“ и разные мелкие пауки, начавшие грабить хуже прежнего.

И только к концу 1924 года в остяцкой земле образовалось туземное „потребительское общество“, и в правлении его мы встретим молодого сына нашего знакомца Василия — Дигоша Васильевича Моксунова. Он уже не так темен и робок, как его отец. Еще до 1917 года он учился грамоте у одного политического ссыльного, какими обильно был населен тот край ко времени начала революции.

Вместе с ним в правлении потребительского общества состоят: один тунгус и один русский крестьянин.

— Не бойся теперь, отец, Ивана Трифоныча. Не пойдут теперь твои соболя и лисицы за бесценок и не будут тебя обвешивать и обмеривать. Придет весна, — сами артелью отправимся вверх и пригоним не одну барку, а две-три барки с хлебом и разными товарами...

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИЙ И СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

П. БЕССАЛЬКО

А Л М А З Ы В О С Т О К А
СКАЗКИ

С предисловием А. Луначарского и иллюстр. С. Витберга
Стр. 85. Ц. 25 к.

В этой книге 6 сказок Востока.
Язык и фабула их даны в стиле народного эпоса.
Книга снабжена предисловием ш. Луначарского и множеством иллюстраций худ. Витберга.

В. БИАНКИ

А С К Ы Р

Повесть о саянском соболе.

Стр. 67. Рис. В. И. Курдова. Ц. 60 к.

Е. БЫВАЛОВ (Зюйд-Вест)

Д Е Т И П А Л У Б Ы

РАССКАЗЫ

Стр. 112. Рис. В. Голицына. Ц. 40 к.

Пять рассказов из жизни детей моряков. Здесь и русские ребята, вырастающие в комсомольцев («Зеновейка», «Полундра», «Пашка-Шерп»), и китайченок, с энтузиазмом помогающий шанхайским революционерам («А-ПЭ»), и полубельый канак, организующий забастовку моряков («Реджи»).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

А К—Б О З А Т

Рис. Т. Глебовой

Стр. 32

Ц. 15 к.

Н. ТИХОНОВ

Н А Б Е Р Е Г У

РАССКАЗЫ

Стр. 77.

Обложка И. Француз.

Ц. 40 к.

Шесть интересных и завлекательных рассказов из жизни кавказских ребят. Автор дает яркие детские образы в условиях легкой южной жизни. Здесь и мальчик-чистильщик сапог—Ахмеш, эксплуатируемый пьяницей-опцом, здесь и беспризорные, переезжающие с курорта на курорт, цепляющиеся за вагоны и погибающие под ними. Рассказы колоритны и действительны. Живой язык. Знание природы и быта юга.

ЛЮБУЮ КНИГУ ДЛЯ ДЕТЕЙ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

высылают немедленно по получении заказа:

Москва 9, Госиздат «КНИГА ПОЧТОЙ»,

и л и

Ленинград, Госиздат «КНИГА ПОЧТОЙ»,

а в пределах УССР—

Харьков, Госиздат РСФСР «КНИГА ПОЧТОЙ».

Книги высылаются немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 р. можно почтовыми марками) пересылка бесплатна.

Каталог детских книг Госиздата высылается по требованию бесплатно.